

Впрочем, эта фундаментальная гармония обогащалась другой, более тонкой, но ее отзвуки для истории западной культуры неизмеримо многообразны: Августин всегда был для Петрарки тем святым, который никогда

не предавал Цицерона. Значит, можно быть христианином и быть им вплоть до самой возвышенной святости, не считая себя обязанным отбросить классиков. Какое утешение! Когда Джованни Колонна, друг Петрарки, подшучивал над ним за его любовь к Августину, которая не предполагала вместе с тем отказа ни от Цицерона, ни от Вергилия Петрарка дал превосходный ответ: «Зачем мне от них отказываться, когда я вижу, что сам Августин почитает их?» («Quid autem inde divellerer, ubi ipsum Augustinum inhaerentem video?»). Гуманисты XVI века, например Эразм, чаще ссылались на Иеронима, и потому немного удивительно, что Петрарка предпочел Августина. Но Иероним отвергал античных авторов, и Петрарка ему этого до конца не простил. Августин не совершил такого преступления против литературы. В отличие от Иеронима, он никогда не мечтал предстать перед Божьим судом и быть наказанным за свою слишком большую любовь к древним. Августин знал, чем он обязан Цицерону, был ему признателен и благодарен так же, как он публично признавал свой долг перед Платоном и его учениками. Какое смирение в великодушии этого человека! Но и какое великодушие в этом смирении! С того дня, когда Петрарка убедился на этом примере, что христианин может любить и Платона, и Цицерона, и Вергилия, он обрел душевное равновесие, а XIV век в это самое время вновь обратился к латинской культуре отцов Церкви и вернулся в лице Петрарки к *doctrina Christiana* св. Августина. В данной истории существенно то, что это — совершенно личные переживания человека, который ищет свой путь и находит его, не задумываясь о путях, сколь бы различными они ни были, которыми шли его современники. Вначале Петрарка не изучал схоластику, страдал от сухости души и боролся с нею. Он сформировался вне теологии, словно бы ее вовсе не существовало. Однако он угрожал ей тем единственным фактом, что он был Петрарка. Вновь обрести в XIV веке культуру, за которую в XII веке ратовал

547

1. Возвращение литературы в Италии

гоаНН Солсберийский, означало повернуться спиной к схоластической культуре XIII века; и чем больше возрастала с годами литературная слава Петрарки, тем больше становилось необходимым его знать. Между этим «*vir doctissimus sed et eloquentissimus*»*, который ссылался на Августина, и «*virī doctissimi*», но не «*eloquentissimi*», заполнявшими школы, выбор был неизбежен вследствие одной лишь силы примера, даже если бы Петрарка не развернул борьбу за возвращение античных писателей.

Впрочем, он этого никогда не делал. Ни в одном произведении Петрарка не ставил целью догматически столкнуть друг с другом эти два вида искусства и устранить одно в пользу другого, но он имел свое твердое мнение и без колебаний выражал его. Однако у него нет ни одного возражения против диалектики как таковой, которая сама по себе есть превосходное искусство, почитаемое древними, и, кстати, одно из свободных искусств, которые Цицерон рекомендовал как ступени, по которым нужно подняться, чтобы достичь вершин философии. Диалектика пробуждает интеллект, показывает путь, ведущий к истине, учит избегать софизмов и, даже когда не служит ничему другому, придает живость и тонкость дискуссии. Поэтому не будем останавливаться на диалектике, и из-за развлечений по дороге не станем забывать о цели путешествия. Такую ошибку допускают состарившиеся дети, которых порицал Сенека. Нет ничего более постыдного,